

стам сообщить, такого человека с почестями хоронить полагается.

— А может, продать ордена? Они ведь бабок больших стоят!

— Я вам продам, я вам сообщу! — возмущённо захохотал Солнышко. — Если такой человек при жизни властям не нужен был, то после смерти и подавно. Сунут в общую могилу, а ордена запарят и продадут. Мы его сами похороним.

— Где, на свалке, что ли? — хихикнул кто-то.

— За свалкой, в роще. Пусть у нас будет своя могила героя, свой неизвестный солдат.

— Правильно, Солнышко, — заплакала вдруг Софочка. — Ильич душевный старик был, да ещё и герой, уж я-то за его могилой каждый день присматривать стану.

— А награды куда денем? — А награды вместе с ним схороним, — строго ответил Солнышко. — И кто на ордене, не дай бог, позарится, тому не жить. Понятно?

— С этим-то понятно, вопрос в другом. Могилу-то не скроешь, обнаружат её — награды могут.

— Я это уже продумал. Мы не станем делать настоящую могилу — холмик там, крест, оградка. Мы Ильича под липой похороним. Помните, в роще, на полянке?

— Ну...
— Похороним и кострище на том месте разведём, чтоб знать, где точно лежит. Чужим невдомёк, а мы приходим будем, поминать. Костёр разведём — и Ильичу тепло, и нам приятно.

Весь день население «жилой площадки» с энтузиазмом готовилось к погребению Ильича. Сколотили гроб из досок от ящиков, обтянули его чёрным материалом, завалившись у одного из обитателей свалки. Софочка Ильича обмыла, переодела в чистое бельё из своих запасов, Солнышко укрепил на его груди награды, и вечером, когда стемнело, траурная процессия двинулась к выкопанной могиле. Гроб опустили в яму, быстренько засыпали землей, тщательно приотптали и тут же на скорбном месте развели костер.

— За Ильича, — поднял кружку с суррогатом Солнышко. — Пусть земля ему будет пухом, — и выпил содержимое до дна.

— За героя! — засучили друг о дружку остальные кружки...

Такси

— Иван, Иван, просыпайся, — тяжело наклонилась над постелью мужа Андреевна, — я те кашу приготовила, вставай, — дотронулась она до иссохшей руки мужа.

Иван никак не отреагировал на прикосновение жены. Он был мёртв.

— Господи! — в страхе прикрыла беззубый рот полной ладонью Андреевна. — Иван, ты это что, умер? Не пугай меня так, Ваня.

Муж молчал. Андреевна грузно опустилась на стул рядом с кроватью и мелко затрясла плечами. Глаза её покраснели, и на дряблом бледном лице появились слёзы.

— Что ж ты наделал, Иван! — растерянно заморгала Андреевна. — Что ж ты наделал!

Кончина Ивана не была уж такой неожиданностью для Андреевны. Муж давно и безнадежно болел, лежал в последнее время совсем беспомощный. Ни встать, ни сесть, лишнее слово и то с болью давалось. Но смерть такая штука, как её ни жди, как ни готовься, а придёт — не спросит.

— Как хоронить-то теперь тебя, Иван? — вскрикнула женщина, поправляя редкие седые волосы мужа.

Горестно покачав головой, Андреевна кряхтя поднялась со стула, вышла в прихожую, накинула на плечи телогрейку и, опираясь на палку, с оханьем спустилась с крыльца.

— Ольга, — открыв дверь соседского дома, надрывно позвала она, — Ольга, поди сюда.

— Случилось что? — вышла к ней на зов такая же грузная старуха.

— Иван помер.
— Ань, да ты что! — ахнула подруга. — Когда?

— Не знаю, может, ночью, может, сейчас под утро. Подошла его завтраком покормить, а он не дышит.

— Горе-то какое, — запричитала Тимофеевна, — ой, горе, горе! Да ты сядь, Ань, — подвинула она Андреевне табуретку.

— Чего делать-то, Ольга? — заплакала Андреевна. — В голову ничего не идёт.

— Ань, ты посиди тут-ка, — засуетилась Тимофеевна, — я сейчас оденусь да обегу кой-кого. Ты успокойся. Сейчас я, — и вышла из кухни. — Я к Макаровне, к Наталье, — донеслось из глубины дома. — Надо в больницу, в собес сообщить, документы там оформить, справку о кончине, чтоб деньги на похороны. В сельсовет надо, к председателю. Ты не думай сама, мы всё сделаем: и обмоём, и оденем...

— Спасибо, Оль, — жалобно улыбнулась Андреевна.

— Да ты чего, спасибо, — отмахнулась уже одевшаяся Тимофеевна, — ты чего, благодарить? Такое дело благодарности не надобно. С каждым может, я ж понимаю. Мой когда помер, помнишь, что я могла? Так же было. Села и не встать, ноги на полдня отнялись. Ты ж и помогла тогда.

Андреевна, соглашаясь, обессилено покачивала головой.

— Ты побудь пока у меня, я мигом, — направилась к двери подруга.

— Не, пойду я, как он там один? — попыталась встать Андреевна, но ноги не держали.

— Сиди уж, сейчас Наталью пришлю, две минуты, — засуетилась Тимофеевна и вдруг хлопнула себя по лбу. — Вот дура неумная, тебе ж успокоиться надо, а я квохчу, квохчу чегой-то.

Она достала из буфета пузырёк, нажала на него в стакан и добавила воды. По кухне разошёлся запах валерьяны.

— Выпей вот.

— Спасибо.

— А теперь давай-ка на диван пересядь, а я побегу.

В сутки выправили все документы на Ивана, а вот с деньгами загвоздка случилась.

— Нет денег, — заявили Андреевне в беседе.

— А что же мне? — опешила Андреевна.

— Ну, не знаем, — безразлично пожали плечами расфуфыренные молодки, — с книжки снимайте.

— Да нет у меня книжки, ещё в начале девяностых все деньги на ней погорели, — совсем растерялась Андреевна.

— Ну, тогда к родственникам, — отвернулись от неё девицы.

— И родственников нет, — еле слышно вымолвила вдова. — Далеко они.

— Извините, ничем помочь не можем. Деньги будут, возможно, только недели через две, раньше никак.

— Я не могу столько ждать, мне завтра хоронить уже надо.

— А и не ждите, народ попросите, не нам вас учить. Вы извините, мамаша, но у нас очередь стоит, — указали собесовки на дверь.

В деревне Тимофеевна встретила подругу вопросом:

— Ну что, всё оформили?

— Справки все, а денег не дали, — удручённо ответила Андреевна.

— Как так?

— Говорят нету, через две недели только.

— Да что ж такое-то? — возмущённо

всплеснула руками Тимофеевна. — А как хоронить, гроб как, поминки?

— Не знаю, — из глаз вдовы побежали слёзы.

— «Такси», видать, придётся заказывать, — хмуро вклинился в разговор кто-то из мужиков, пришедших проститься с Иваном.

— Ой, боженька ж ты мой! — схватившись за грудь, закричала Андреевна и обессилено упала на колени.

Вокруг раздалась чертыханья мужиков и слёзные бабы причитания. Андреевну подняли с пола и уложили на диван.

— А что ещё остаётся, коль денег не дали! В деревне тоже ни у кого нет, — вновь прозвучал тот же голос.

— Сволочи, довели до ручки, — полилось со всех сторон людское возмущение, — похоронить по-человечески и то невозможно. В войну так не было, уж на что бедно и голодно, но чтоб, «такси» брать...

— Вот так оно, жил человек, всю жизнь вкалывал до седьмого пота, а ему за всё про всё «такси» до погоста.

На следующий день Ивана из дома выносили в аккуратном гробу, оббитом красной материей. До кладбища народ дошёл пешком, благо погост за деревней в ста метрах. У могилы мужики сгрузили домовину с плеч и отошли в сторону, дав место для прощания с Иваном.

Минут десять угрюмо прощались под тихие женские всхлипывания.

— Вот, пора, пожалуй, — тяжело вздохнул один из могильщиков.

И тут началось. Бабы заорали в голос, отступая от гроба и отворачиваясь в сторону, мужики, стыдливо пряча глаза, пытались их успокоить. Над кладбищем нарастал дикий полубезумный вой.

Оттащив полуобморочную Андреевну от мужа, могильщики передали её старухам и принялись за своё страшное дело. Они достали Ивана из домовины и осторожно переложили его в чёрный плотный полиэтиленовый пакет. Двое из мужиков прыгнули в яму и, приняв покойника на руки, бережно уложили его на дно могилы.

— Пусть земля тебе, дядя Ваня, будет пухом, — отставив в сторону от свежей насыпи лопату, один из могильщиков крикнул людям: — Идите, прощайтесь!

Вой над кладбищем постепенно стих. Могильщики молча взвалили на плечи пустой гроб и тихо поспешили с погоста.

— Отъехало «такси», — угрюмо провожали глазами удаляющуюся домовину люди.

— Кому следующему «повезёт» в нём прокатиться?..

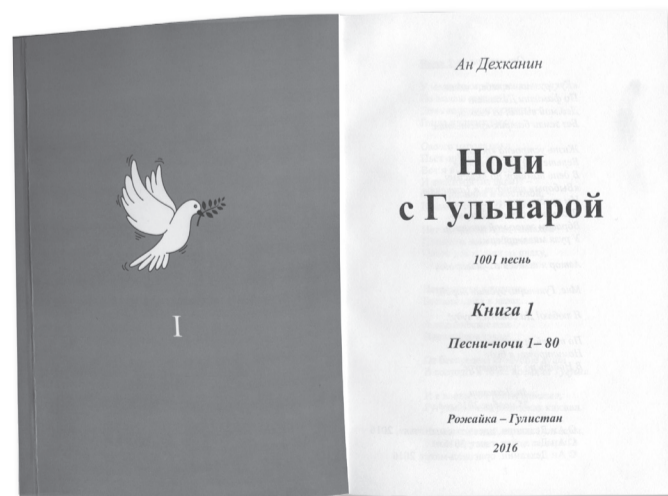
Зачастую в истории литературы писатели по ведомым лишь им причинам скрываются за псевдонимами

И кто знает, стал бы Козьма Прутков для современников, да и для нас, ныне любопытствующих, тем ироничным, остроглазым мудрецом, не будь этой авторской маски, под которой поэты Алексей Толстой, братья Александр, Алексей и Владимир Жемчужниковы чувствовали себя более вольными в выборе литературных средств.

Вот и некий Ан Дехканин интригует читателя и предлагает в компании с ним провести «Ночи с Гульнарой» и послушать пока что 80 песен из 1001. И заметьте — о сладкое предвкушение! — по ночам...

За Аном Дехканиным скрыт не один литератор. Все обитают в Подмосковье, «замкадыши». Одного распознать легко: он не устоял от соблазна вшить в ткань произведения «Ночи с Гульнарой» несколько своих стихотворений из книги «Предназначение», удостоенной областной литературной премии имени Ярослава Смелякова. И цитирует Межирова, по рекомендации которого был принят в писательский союз: «Родина моя... Россия... Няня... Дуня... Евдокия...». И возраст, который лирический герой исчисляет количеством ночей «до тебя», совпадает: в 2017-м заслуженный поэт Подмосковья Андрей Дебабов разменял восьмой десяток.

Белые и чёрные ночи Гульнары

Карманного формата серенькая книжка с благовестующим голубком и римской цифрой «I» на обложке. Выходные данные содержат копирайт Ана Дехканина на собственный текст и жанр «тысячеченочье»: как бы возникающее за одну ночь поэтическое эссе включается под соответствующим порядковым номером в произведение, в котором запланированное число таких «песен-ночей» должно, по замыслу

авторов, стать равным 1001, как в знаменитом собрании восточных сказок для взрослых.

Автор признаётся: «Я не фэнтези пишу, не детектив, но — жизни слепок». Как дневник реального времени. И главная героиня — реальная, ныне живущая (хотя недавно в интернете появились сообщения, что Гульнара Исламовна Каримова отравлена и тайно захоронена, но будем надеяться, это ложь): «Дочь восточного тирана — пища нищему уму...».

Есть о чём подумать. Социально недоступная, внешне безупречно привлекательная, темпераментная, разносторонне талантливая, блестяще образованная, но в силу обстоятельств ставшая «беспардонной и жестокой, воспалённой, как полип...».

Пользуясь «административным ресурсом» «тирана-отца», Гульнара стала

«сверхбогатой», ненавидимой, но, как ни странно, в то же время любимой и обожаемой народом своей страны.

А престарелому неимущему Дехканину — бес в ребро: «запал» на Гульнару с общепанской мечтой: она будет топать, а я её спасу... и тогда она меня полюбит! Ан Дехканин прибегает к узловым проблемным точкам современного мира:

Мы — как Турция и Россия...

Как султана Ахмада Мечеть Голубая и Айя-София...

Как Босфором разъяты суши весомейшей две половинки...

Возможно, в этом-то и миссия Дехканина: спасая свою избранницу, спасти её живую душу, Божью душу... Сие немного смахивает на спасение Дон Кихотом блоковской Незнакомки, но сможем ли мы в этом убедиться или разувериться?

Наберёмся терпения и, наблюдая течение реальных событий, будем ждать следующих «Ночей с Гульнарой».

Эдуард ХАНДЮКОВ